

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ
СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИЗМА

Г.А. БАЛЛ

Раскрывается понятие гуманизма, очерчиваются принципы, лежащие в основе гуманистических установок людей и человеческих общностей. Это принципы экологизма, конструктивизма, толерантности, диалогизма, медиационности, рационализма (гармонического), ориентации на культуру, личностной ориентации (точнее, ориентации на целостного человека), моральности и гармоничности. Кратко характеризуются также некоторые гуманистические макропсихологические модели и принцип самоприменимости гуманистически ориентированной психологии.

Ключевые слова: гуманизм, принципы современного гуманизма, диалог, гармония, культура, целостный человек.

Будем исходить из трактовки гуманизма как соединения *гуманности* (основанной на оказании помощи людям, а также другим живым существам и их сообществам в облегчении их страданий и улучшении условий их жизни) и *диалогического взаимодействия* с людьми и их сообществами как *партнерами* (что предполагает взаимное уважение и способствование раскрытию и приумножению конструктивных возможностей участников взаимодействия).

На современном этапе актуально преодоление традиционного отождествления гуманизма с *антропоцентризмом* — мировоззренческим направлением, противопоставляемым природоцентризму и теоцентризму. Ведь непрерывно возрастающее антропогенное давление на природную среду и колоссальные трудности на пути разработки и реализации оптимальных, в этих условиях, стратегий социального поведения ставят на повестку дня вопрос о *выживании* человечества. Важнее поэтому не расхождения между мировоззренческими направлениями в понимании мира и человека в мире, а возможности взаи-

мообогащающего диалога, который призван углубить это понимание, в его разных вариантах, и благодаря этому повысить его практическую значимость. Необходима разработка — с опорой на достижения разных философских и научных школ — оптимальных стратегий поведения людей и человеческих сообществ в современную эпоху. С учетом сказанного современный гуманизм выступает как мировоззренческая позиция, которая позволяет, серьезно воспринимая сегодняшние вызовы, тем не менее, не считать ситуацию безнадежной, ибо дает возможность верить в конструктивные способности (реальные и потенциальные), присущие человеку на всех уровнях его социальной организации (от отдельного индивида до человечества в целом), и искать пути активизации и развития этих способностей.

В связи с изложенным полезно выделить главные *принципы современного гуманизма*. К решению этой задачи можно (не забывая, конечно, о ее междисциплинарности) подходить с разных сторон, сосредоточиваясь в первую оче-

редь то ли на историко-философских, то ли на социально-экономических, то ли на экологических аспектах обсуждаемых проблем, то ли, наконец, на заслуживающих поощрения установках в сознании и деятельности отдельных людей и человеческих общностей. Последний подход реализуется в настоящей статье. Поскольку он напрямую связан с проблематикой психологической науки (прежде всего, психологии личности и социальной психологии), можно сказать, что главные принципы современного гуманизма рассматриваются в статье в *психологическом аспекте*.

Итак, попробую очертить (весьма схематично) такие принципы – имея в виду, что они должны работать и в познании мира, и в социальном поведении, и, что следует подчеркнуть, в образовании и воспитании.

1. На первое место я поставил бы *экологизм*, трактуемый как направленность на сохранение условий «коэволюции человека и Природы» [17; 127]. Альтернативой саморазрушению должны стать «качественные скачки в развитии» как проявление адаптации человечества к его возросшим технологическим возможностям [18; 73]. Принцип экологизма предполагает гармоническое сочетание *глобализма* (четкого осознания глобальных закономерностей, тенденций и опасностей, а также осуществления на основе этого осознания системных действий) и *локализма* (искреннего уважения и возможно более полного учета локальных особенностей, ценностей и интересов). Локализм необходим хотя бы потому, что такая сверхсложная система, как человечество, способна успешно функционировать («коэволюционируя» с природой) только при высокой степени самоорганизации ее подсистем. Это не противоречит идее глобализма, но требует ее адекватной конкретизации.

Гуманистически осмысливаемый глобализм видит угрозы, исходящие от технократически-унификационных мо-

делей глобализации, обслуживающих близоруко-эгоистические интересы элиты наиболее богатых стран, но не одобряет и карнавально-хулиганской практики вульгарных антиглобалистов. Абсурден сам термин «антиглобализм», если связывать его с какими-либо положительными намерениями: ведь все народы (и богатые, и бедные) пребывают на одном «шарике», сохранить который пригодным для жизни в сложившейся ныне экологической ситуации они могут только сообща. Термин «альтерглобализм», получающий сейчас распространение, разумеется, намного лучше.

2. *Конструктивизм*. Отмежевываясь от споров оптимистов и пессимистов относительно перспектив человечества, А.П. Назаретян пишет: «Оптимизм и пессимизм являются полюсами фаталистического мировоззрения, особенно опасного в кризисные эпохи. Альтернативу составляет мировоззрение *конструктивистское...*» [20; 145]. Оно предусматривает преимущественную *ориентацию* сознания и деятельности *на будущее*. Такая ориентация не предполагает равнодушия к сегодняшним радостям и бедам, как не отрицает и почитания человеческими сообществами традиций. Но надо видеть опасность «соблазна ретроспективным идеалом» [6; 165] – особенно если он настраивает на конфронтацию с другими сообществами. Главное – это, на основе выяснения закономерностей процессов, служащих объектами возможного влияния, определить разные варианты вероятного развития событий и условия, способствующие реализации каждого из них; на следующем этапе должны быть приложены усилия к повышению вероятности того из вариантов, который более всего отвечает гуманистическим ценностям.

Конструктивистский подход приложим и к человечеству в целом, и к человеческим сообществам, и к малым группам, и к отдельным индивидам. Его

воплощениями выступают характерная для гуманистической психологии и педагогики *ориентация на положительную перспективу* опекаемых индивидов и групп, а также эффект самоподтверждаемости изначально вроде бы не обоснованных положительных прогнозов (так называемый *парадокс гуманистической атрибуции* [1]). Стимулирование у индивидов «позитивной когнитивной предвзятости» [21], уверенности в реальности достижения ими успешных результатов намного повышает вероятность последних.

3. *Толерантность*. Сущность принципа толерантности состоит в том, чтобы, признавая наличие разногласий между людьми и между человеческими общностями, «по возможности, удерживать эти разногласия в рамках взаимного уважения» [34; 193], не доводя дело до конфликта. Рассматриваемый принцип препятствует догматической абсолютизации одних позиций, взглядов, форм поведения и огульному отрицанию других. Он требует отказа от упрощенных, односторонних интерпретаций сложных явлений истории и современности, преодоления стереотипов, приписывающих благородные мотивы поведения лишь «своим», тогда как «чужим» — низкие.

Вместе с тем гуманистически осмысленная толерантность «вовсе не тождественна безразличию или индифферентности к любым взглядам и действиям», «не означает смирения перед бытовым или общественным злом» [27; 177]. Она вовсе не предусматривает приемлемости любого поведения, а лишь *презумпцию приемлемости*: именно неприемлемость тех или иных взглядов или действий требует обоснования.

4. *Диалогизм*. Идею толерантности хорошо выражает принцип, принятый недавно римско-католической церковью относительно общения с другими конфессиями: «удовлетворенность тем, что нас объединяет, и уважение к тому, что нас разъединяет» (цит. по [10; 147]). Однако очевидно и то, что «мало просто уважать

друг друга. Надо искать пути сближения» [7; 7]. Сближение же требует содержательного взаимодействия между партнерами и между отстаиваемыми ими позициями, иначе говоря — *диалога*. Как подчеркивал И.Т. Фролов, «современный гуманизм тесно связан со способностью к диалогу в актуальном и историческом аспектах» [26; 43]. При этом важнее всего «найти средства перевода идеологии *диалогичность* в культуру реального поведения» [23; 52].

5. *Медиационность*. Положительным, по сравнению с враждой (и даже с толерантностью, когда она не побуждает к взаимодействию), является сам факт ведения диалога. Важно, однако, чтобы диалог был плодотворен, чтобы осуществлялось, как об этом писал С. Московичи, «формирование идей в споре» («*shaping ideas in controversy*», цит. по [30; 482]). Это требование привлекает внимание к механизмам, способным обеспечить такую плодотворность. Учитывая, что диалог становится необходим при различии исходных содержаний, отстаиваемых его участниками, возникает нужда в *медиационной* (связывающей друг с другом) разработке этих содержаний, которая позволила бы им (чаще всего — при той или иной модификации) стать компонентами целостной системы, приемлемой для участников диалога.

В когнитивной сфере медиация находит проявление или в системном синтезе положений, поначалу казавшихся несовместимыми, или, при невозможности (по крайней мере на текущем этапе познания) такого синтеза, в достижении системности хотя бы на метауровне (на уровне «знания о знании» об исследуемых объектах), когда позиции оппонентов четко отрефлексированы, области их согласия и расхождения эксплицированы, и значит, созданы благоприятные условия для дальнейших диалогов. Аналогичные варианты медиации целесообразно выделять и в сфере социальной практики, прежде всего в усилиях по предотвращению обществен-

ных конфликтов (и урегулированию уже существующих). При том что наилучшим выходом является системное согласование интересов сторон, полезна уже четкая экспликация реальной картины этих интересов, которая фиксировала бы сферы их согласия и их расхождения и была бы, насколько возможно, освобождена от зашумления ментально и идеологически обусловленными предубеждениями.

6. *Рационализм (гармонический)*. Сказанное в п. 5 демонстрирует существенность интеллектуального обеспечения реализации гуманистических установок. Представляется уместным воплощение этой идеи в отдельном принципе. Такой принцип (выдвигаемый на первый план в контексте обоснования *рациогуанизма* ([1], [2]) как формы гуманизма, отвечающей вызовам современности) предусматривает:

- признание *интеллектуальной культуры* (и ее воплощения в науках – «точных» и гуманитарных, а также в философии) одним из важнейших достояний человечества и максимальное использование этого богатства в познавательных и практических целях в его гармоническом взаимодействии с другими составляющими культуры;

- опору на *гармоничный интеллект*. Последний (в его достаточно развитой форме): а) не сводится к стандартизированным (и благодаря этому легко поддающимся технологизации) вариантам, известным под названием *рассудка*, а выступает как творческий, готовый к работе с противоречиями *диалектический разум*; б) настроен на возможно более полный и глубокий охват мира с преодолением временных, пространственных и содержательных ограничений; в) представляет собой единство дискурсивных и интуитивных составляющих.

Признание значимости интуиции как составляющей творческого мышления и гармоничного интеллекта полностью

пребывает в русле обсуждаемого принципа. В сложных ситуациях приближение к оптимальному решению возможно, скорее всего, на основе диалога логически обоснованной и интуитивной позиций. В самом деле, в сознательно используемой модели ситуации могут быть упущены не вписывающиеся в нее, но ухватываемые интуицией аспекты; в свою очередь, в интуитивном представлении затруднителен учет закономерностей, которые может выявить лишь научное исследование.

Диалог, о котором идет здесь речь, противостоит и пренебрежению интуицией, и антиинтеллектуалистическим настроениям, в современном мире весьма распространенным. Как отметил В.С. Библер, «философский разум встречает сейчас мощный отпор всемогущего рассудка и спорящего с рассудком за власть над сознанием и мирно разделяющего эту власть иррационального экстаза» [4; 244]. Гармонический рационализм направлен на преодоление указанной опасности.

7. *Ориентация на культуру*. Итак, принцип гармонического рационализма постулирует весомость для современного гуманизма опоры на интеллектуальную культуру. При этом отмечена важность ее гармонического взаимодействия с другими составляющими культуры.

Понятие *культуры*, как известно, трактуют по-разному. Я исхожу из того, что культура, в наиболее широком понимании, – это совокупность тех средств и результатов деятельности отдельных людей, их сообществ и человечества в целом, которые обеспечивают две главные функции: функцию социальной памяти (*репродуктивно-нормативную*) и функцию социально значимого творчества (*диалогически-творческую*). Культура существует на разных уровнях: на всеобщем человеческом; на особенном (в частности, на профессиональном, а также на этническом, которым более всего интересуются ныне; это вполне оправданно, но надо

проследить связи этого уровня с другими); наконец, на индивидуальном (точнее, личностном). Здесь за основу уместно взять тезис Э.В. Ильенкова: «человеческую личность можно по праву рассматривать как единичное воплощение культуры, т.е. всеобщего в человеке» [8; 261] – с той оговоркой, что точнее было бы говорить о «всеобщем и особенном в человеке».

Можно согласиться с тем, что «культура в широком антропологическом понимании этого термина позволяет свести воедино разные стороны человеческой деятельности, направленные на развитие самого человека и человеческих сообществ» [25; 150]. Однако нет серьезных оснований для исключения из сферы культуры и составляющих противоположной направленности (вспомним хотя бы «противодействие развитию» [22]). Определяя принципиальный путь разрешения связанных с этим коллизий, прислушаемся к мнению о. Александра Меня. С пошлостью, считал он, надо бороться «не запретами, а знакомством зрителя с лучшим. Запретами вкуса не привьешь. Это касается всех сторон и проявлений культуры. Борьба с дурным должна выражаться прежде всего в утверждении ценного, обогащающего, прекрасного» [15; 92].

8. *Личностная ориентация*, или, точнее, *ориентация на целостного человека*. Гуманистическому мировоззрению присуща установка на всемерное содействие гармоническому личностному развитию людей, на повышение степени их личностной свободы – в единстве с личностной надежностью [1]. Такая установка предполагает, помимо прочего, уважение к индивидуальности каждого человека – его индивидуальным особенностям и индивидуальным решениям (в частности, к осуществляемым им индивидуальным выборам). Вместе с тем в соответствии с идеями рационального гуманизма (см. п. 6) такое уважение вовсе не означает отказа от рационального анализа сущностных характеристик человека. Ведь

в индивидуальности каждого человека, как она охарактеризована выше, заключена важная сторона человеческой сущности. И хотя подобное утверждение, как отмечает Т. Махан, «может показаться парадоксальным, особенно экзистенциалисту, но это не так, если справедлива Аристотелева идея потенциальности: ведь нечто может обладать, как одним из своих отличительных свойств, потенциалом быть уникальным (a potential to be unique)» [29; 8].

Конкретизируя, далее, сказанное в п. 7, я считаю возможным определить *личность* как системное качество человеческого индивида, обеспечивающее его способность быть относительно автономным и индивидуально своеобразным субъектом культуры. Здесь стоит прокомментировать следующие моменты.

I. Упоминание об индивиде как *субъекте* (а не просто носителе) культуры обращает внимание на реализацию им (посредством его личности) активной роли в культурном процессе.

II. Понятие *личность* (англ. *personality*) корректнее относить именно к качеству, а не к целостному индивиду (*лицу*, англ. *person*), обладающему (в большей или меньшей мере) этим качеством. Личность, считал А.Н. Леонтьев, «есть *системное* и поэтому “*сверхчувственное*” качество, хотя носителем этого качества является вполне чувственный, телесный индивид со всеми его природными и приобретенными свойствами» [12; 385]. Конечно, трудно обойтись без использования слова *личность* (и его иноязычных соответствий) для обозначения конкретного человека, обладающего обсуждаемым качеством, в особенности если последнее достигло высокого уровня развития. Но, с теоретико-психологической точки зрения, такое использование стоит трактовать как метафорическое (подобно использованию слова *ум* во фразе «Лучшие умы человечества не раз предупреждали об угрожающих ему опасностях»).

Теперь сосредоточимся на содержании принципа ориентации на целостного человека. Обосновывая этот принцип, можно опереться на позицию Б.Г. Ананьева и его последователей. В соответствии с ней «внешние влияния преломляются через *всю структуру человека*, включая как ее психические элементы, так и более глубокие, органические» [13; 9]. Впрочем, и Э.В. Ильенков отмечал, что «совокупность исторически развившихся способностей (специфически человеческих способов жизнедеятельности)» (иначе говоря, совокупность культурных способностей) индивид реализует «именно своей индивидуальностью» [8; 260–261]; индивидуальность же, как всем понятно, содержит в себе биологически и интрапсихически (по А.Ф. Лазурскому [9] – *эндопсихически*) детерминированные составляющие, хотя к ним и не сводится.

В образовании (детальнее см. [1]) ориентация на обучаемого как на целостного человека должна предусматривать:

а) тщательный учет его эндопсихических свойств;

б) такое воздействие на его *экзопсихические* [9] характеристики, которое способствует его приобщению к культуре (общечеловеческой, национальной, при необходимости – также профессиональной) в единстве ее нормативно-репродуктивных и диалогически-творческих составляющих. Механизмом овладения последними служат диалоги – непосредственные (с учителями, соучениками и т.п.), опосредствованные (с авторами и героями произведений культуры) и внутренние.

Есть все основания не ограничивать этот вывод образовательной сферой и распространить его на все ситуации взаимодействия людей, где реализуется цель содействия полноценному функционированию (вспомним введенное К. Роджерсом [33] понятие «fully functioning person») и дальнейшему личностному развитию партнера.

9. *Моральность*. Этот принцип, конкретизируя в этическом аспекте принцип ориентации на культуру (п. 7), поощряет такое поведение индивидуальных и коллективных субъектов, в мотивировании которого играют существенную роль одобряемые культурой (соответствующие определяющим для нее ценностям) нормы человеческого общежития (*моральные нормы*, в наиболее широком смысле термина). Моральной мотивации поведения противопоставляют *прагматическую*, когда субъект (индивидуальный или коллективный) стремится лишь к достижению своих целей, вытекающих из его интересов (как он их понимает); в общем случае эти интересы определяются безотносительно к вышеупомянутым ценностям. Правда, обобщив результаты исследований экологов, экономистов, политологов, А.П. Назаретян пришел к выводу: «...по достижении некоторого оптимального объема информации, используемой в процессе выработки решения..., *грамотные прагматические оценки смыкаются с нравственными*» [19; 133]. К сожалению, однако, решения, которые считают прагматическими те, кто их принимает, большей частью не являются грамотными (по крайней мере в плане отдаленных последствий); соответственно, о нравственности этих решений чаще всего не может быть и речи.

Вместе с тем установленная закономерность демонстрирует утилитарную (а не только духовную) ценность моральных норм. Ведь, обобщая разносторонний человеческий опыт, они помогают обойти трудности конкретного установления «подлинных» интересов социальных субъектов и найти приемлемые способы действий в ситуациях с высокой степенью неопределенности.

10. *Гармоничность*. При том что важное для обсуждаемой темы понятие гармоничности фигурировало в предшествующем изложении, его содержание не раскрывалось; поэтому уместно постулировать соответствующий принцип.

За основу возьмем положение, согласно которому гармоничной является система, где «все элементы, аспекты и проявления... внутренне сбалансированы между собой, создавая совершенство целостности» (М.А. Можейко [16; 202]). Применяя это определение к системе «целостный человек» («лицо», «*person*»; в обычной терминологии, подвергнутой сомнению в п. 8, — «человек как личность»), отмечу такие стороны ее гармоничности, как:

— *разносторонность* (проявляющуюся, в частности, в приобщении к разным сферам деятельности и, шире, взаимодействия с окружающим миром). Идея разностороннего развития человека представляет собой ослабленный (и благодаря этому более практичный) вариант лозунга его «всестороннего развития». Нынешняя критика этого лозунга как утопического, справедливая при его рассмотрении в контексте достижимых психологических или педагогических целей, игнорирует его ценность как идеала, ориентирующего на возможно более полное приобщение каждого индивида к целостной человеческой культуре;

— *взаимное соответствие ее подсистем* (в частности, описываемых с помощью понятий «эндопсихика» и «экзопсихика» [9]);

— *целостность* (упомянутую в вышеприведенном определении). На высоком уровне личностного развития она находит яркое проявление в «тесной, органической связи присущих данному человеку способностей, объединенных вокруг одного общего центра», связанного с «главным делом», «основной задачей жизни» этого человека [9; 60, 59].

Следует различать критерии *структурной гармоничности* системы («сбалансированности элементов и аспектов», по М.А. Можейко) и ее *гармоничного функционирования* («сбалансированности проявлений») [16]. Например, согласно К. Леонгарду [11], не слишком сильная демонстративная-акцентуация характера (т.е. своеобразная структурная дисгармония) способствует

успешной профессиональной деятельности в сфере сервиса (где полезно играть импонирующую партнеру роль), т.е. более гармоничному функционированию данного лица. Надо учитывать также, что движущей силой развития системы (в частности, личностного развития человека) служат присущие ей внутренние противоречия, т.е. опять-таки структурные дисгармонии. И только когда некая мера дисгармонии (та, при которой сохраняется целостность системы) превышена, возможности гармонического развития блокируются, а процесс и результаты развития приобретают дисгармоничную, извращенную форму. Классический пример — различаемые А. Адлером *чувство неполноценности* (нормальный для детского возраста феномен) и *комплекс неполноценности*. Укажу также на описание Р. Мэем ([31], [32]) так называемой *даймонической* потребности (не путать с «*демонической*»! — предостерегает Р. Мэй), трактуемой им как «настоятельная потребность каждого существа утвердить себя, отстоять себя, продолжить и увеличить себя» [31; 123]. Будучи интегрирована в личность, считает Р. Мэй, она находит выражение в креативности, т.е. является конструктивной, а оставаясь неинтегрированной, приводит к деструктивной активности.

*

Представленный в данной статье перечень принципов современного гуманизма, конечно, не претендует на полноту. Желательно было бы дополнить его, в частности, принципом *духовности*. Оставляя его характеристику, в рамках обсуждаемого набора принципов, на будущее, скажу лишь, что бóльшая опора на него даст надежду на ограничение господства консюмеристских установок, что — наряду с ограничением установок конфронтационных — необходимо для реализации принципа экологизма, который был поставлен выше на первое место в списке.

К психологической характеристике принципов современного гуманизма тема «современный гуманизм и психология» не сводится. Кратко остановлюсь еще на двух аспектах ее разработки.

Один из них определяется осознанием того, что объектами психологического познания и психологически обоснованных воздействий должны быть не только индивиды, группы, организации, но и общество в целом — отсюда потребность в такой отрасли, как *макропсихология* [28]. Очерчивая ее желательный вклад в необходимые для выживания человечества «качественные скачки в развитии» (см. выше, п. 1), следует стремиться к существенному усилению влияния гуманистического мировоззрения (конкретизируемого, в частности, в рассмотренных выше принципах) на сознание и поведение людей.

Естественными носителями указанной функции выступают гуманистически ориентированные направления психологической науки и практики. Социокультурная значимость этих направлений реализуется и в профессиональных рамках (прежде всего путем оказания помощи людям в решении их психологических проблем и в личностном росте), и вне этих рамок — благодаря возможности воспользоваться в разнообразных сферах жизни моделями поведения, которые обосновываются и реализуются гуманистически ориентированной психологией. Укажу на некоторые из них.

А. Сознывая значительное повышение опасности общественных конфликтов, надо соблюдать максимальную осторожность в воспроизведении тех образцов поведения в конфликте, которые на предшествующих исторических этапах были полезны для того или иного сообщества. Как сочетать это с почитанием памяти героев, которые — в иных исторических обстоятельствах — осуществляли такое поведение? Скорее всего, образцами для подражания должны быть не внешние

(исторически обусловленные) формы поведения, тем паче не противостояние потомкам тех, с кем довелось бороться герою, а проявленные им добродетели.

Осуществляя поиск психологических механизмов, на которые стоит опираться здесь, вспомним описанную Ф.Е. Василюком при характеристике «ценностного переживания» эстетизацию образа покойного близкого человека. Она освобождает этот образ от «практических и существенно временных отношений» [5; 132] (не они ли обуславливали прежние противостояния?) и переводит его «как бы в другой план бытия», оформляет «ценностно-идеально, вневременно, в пределе — вечностью» [Там же].

Б. Следующая модель актуальна в связи с распространенными (и не совсем обосновательными) опасениями того, что пацифистские настроения могут содействовать духовной стагнации общества. Поэтому необходимо преодолевать дилемму «или агрессивность, или пассивность и стагнация». Здесь пригодятся образцы активного благородного поведения, проявляющегося в бескорыстной помощи людям, в ненасильственной борьбе за реализацию общественных идеалов. Следует пропагандировать неконфронтационную преданность лица тому или иному сообществу (государственному, этническому, религиозному, профессиональному), направлению в политике, мировоззрении, науке, искусстве и т.п. За образец стоит взять модель, согласно которой: а) указанное сообщество находится во взаимообогащающем диалоге с другими сообществами; б) упомянутое лицо уверено, во-первых, в значимости «голоса» своего сообщества в этом диалоге (но не в том, что лишь его «голос» должен звучать); во-вторых, в том, что именно оно, данное лицо, способно и призвано прибавить силы этому «голосу» (потому что он для этого лица родной, хотя оно готово слушать и другие «голоса») и обогатить его своей индивидуальностью.

В. Важным параметром социального поведения является соотношение между личностью и исполняемой ею ролью. Реализуя социальные роли (в особенности в условиях конфликта сообществ), человек должен искать путь между Сциллой лицемерия и цинизма, когда он равнодушен к исполняемой роли или даже презирает ее (как, например, немало комсомольских функционеров последних десятилетий советской эпохи), и Харибдой фанатизма, когда личность полностью подчиняется роли. Если уж человек принимает некоторую роль, то ему следует в максимально возможной мере облагородить, гуманизировать ее. При этом надо руководствоваться системой ценностей, а не какой-то одной. Например, дипломат обязан отстаивать в переговорах конкретные интересы своего государства, но вместе с тем должен заботиться об общечеловеческих ценностях, об укреплении всеобщего мира (что отвечает и долгосрочным интересам его собственной страны). Именно такой подход помогает предотвращать конфликты и разрешать уже возникшие.

Другой аспект разработки темы «современный гуманизм и психология» находит выражение в *принципе самоприменимости гуманистически ориентированной психологии* [2] – самоприменимости, конечно, не в том смысле, что она применяется сама собой, а в том, что гуманистическими ориентирами психологи призваны руководствоваться в разных сферах своей профессиональной деятельности, в том числе в рамках взаимодействия психологических направлений и школ.

Значимость этого принципа подтверждается тем, что при несомненных достижениях, в частности, американской гуманистической психологии в разных сферах жизни, ее путь оказался более трудным, чем представлялось энтузиастам вначале. Что же обусловило эти трудности и меньшее, чем ожидалось, ее влияние, во-первых, на психологическую науку и практику и,

во-вторых, на общество в целом? Отрицательную роль сыграла, конечно, недостаточная готовность общества (включая профессиональное сообщество психологов) к принятию и реализации гуманистических принципов. Но часть вины лежит и на самой гуманистической психологии как составляющей указанного сообщества. Это признал один из ее видных представителей – Т. Грининг, оценив как ее досадную ошибку чересчур сильное «противопоставление себя другим течениям, а также антиинтеллектуалистическую установку» (цит. по [24; 6]).

По всей видимости, в любой (в том числе осуществляемой психологами) гуманистически ориентированной деятельности желательно сочетать диалогическую направленность на партнера – вплоть до способности «постоянно развивать бесконечные потенциальные резервы не только моей собственной, но и иной логики...» [3; 407–408] – с избеганием «безразличия к нашей собственной (а следовательно, к чьей бы то ни было) правоте» и поиском «“ценностной вертикали”, вне которой... концепт диалога не в состоянии удержать свой ценностный смысл» [14; 105].

1. *Балл Г.А.* Психология в рациогуманистической перспективе: Избр. работы. Киев: Основа, 2006.
2. *Балл Г.А.* Принцип самоприменимости гуманистически ориентированной психологии // Горизонты образования (Севастополь). 2008. № 2. С. 6–21.
3. *Библер В.С.* От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991.
4. *Библер В.С.* На гранях логики культуры: Книга избранных очерков. М.: Русск. феноменологич. общ-во, 1997.
5. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во МГУ, 1984.
6. *Зубов А.Б.* Циклы русской истории // *Вопр. филос.* 2005. № 3. С. 163–166.
7. *Иванов В.В.* Гуманитарные науки и будущее современной цивилизации // *Обществ. науки и современность.* 2007. № 2. С. 5–12.
8. *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1974.

9. *Лазурский А.Ф.* Классификация личностей. Л.: Госиздат, 1924.
10. *Левин Г.Д.* О принципах диалога материалистов с верующими // *Вопр. филос.* 2007. № 6. С. 146–150.
11. *Леонгард К.* Акцентуированные личности. Киев: Вища школа, 1981.
12. *Леонтьев А.Н.* Избр. психол. произв.: В 2 т. Т. I. М.: Педагогика, 1983.
13. *Логонова Н.А.* О понимании целостности человека // *Мир психологии.* 2004. № 4. С. 9–18.
14. *Малахов В.А.* Парадигма общения в философском творчестве Г.С. Батищева // *Вопр. филос.* 2008. № 10. С. 103–115.
15. *Мень А.* Трудный путь к диалогу. М.: Радуга, 1992.
16. *Можейко М.А.* Гармония // *Всемирная энциклопедия: Философия* / Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М.: АСТ; Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. С. 201–202.
17. *Моисеев Н.Н.* Системная организация биосферы и концепция коэволюции // *Обществ. науки и современность.* 2000. № 2. С. 123–130.
18. *Назаретян А.П.* Архетип восставшего покойника как фактор социальной самоорганизации // *Вопр. филос.* 2002. № 11. С. 73–84.
19. *Назаретян А.П.* Интеллект во Вселенной: истоки, становление, перспективы. М.: Недра, 1991.
20. *Назаретян А.П.* Синергетика, когнитивная психология и гипотеза техно-гуманитарного баланса // *Обществ. науки и современность.* 1999. № 4. С. 135–145.
21. *Перова Е.А., Ениколопов С.Н.* Оптимизм как одна из составляющих субъективного благополучия // *Вопр. психол.* 2009. № 1. С. 51–57.
22. *Поддьяков А.Н.* Противодействие обучению и развитию как психолого-педагогическая проблема // *Вопр. психол.* 1999. № 1. С. 13–20.
23. *Пригожин А.И.* Диалогические решения // *Обществ. науки и современность.* 2004. № 3. С. 51–60.
24. *Психология с человеческим лицом: Гуманистическая перспектива в постсоветской психологии* / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл, 1997.
25. *Разлогов К.Э.* Глобальная или массовая? // *Обществ. науки и современность.* 2003. № 2. С. 143–156.
26. *Фролов И.Т.* Вступительное слово на Первом Российском философском конгрессе // *Вопр. филос.* 1997. № 11. С. 41–44.
27. *Шахов М.О.* [Рецензия на кн.:] *Толерантность* / *Общ. ред. М.П. Мчедлова.* М., 2004 // *Вопр. филос.* 2005. № 4. С. 177–179.
28. *Юревич А.В.* Социальная релевантность и социальная ниша психологии // *Психол. журн.* 2006. Т. 27. № 4. С. 5–14.
29. *Machan T.R.* Classical individualism: The supreme importance of each human being. L.: Routledge, 1998.
30. *Marková I.* The epistemological significance of the theory of social representations // *J. for the Theory of Soc. Behav.* 2008. V. 38. N. 4. P. 461–487.
31. *May R.* Love and will. N.Y.: Norton, 1969.
32. *May R.* Problem of evil: An open letter to Carl Rogers // *J. of Humanistic Psychol.* 1982. V. 22. N. 3. P. 10–21.
33. *Rogers C.R.* A way of being. Boston: Houghton Mifflin, 1980.
34. *Scanlon T.M.* The difficulty of tolerance: Essays in political philosophy. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.

Поступила в редакцию 29. IV 2009 г.